

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 84(2)

DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-109-120

**«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ»: О СПЕЦИФИКЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОГО МИФА О ДОН КИХОТЕ
В СЕРИИ РАССКАЗОВ А. БЕЛЯЕВА «ИЗОБРЕТЕНИЯ
ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА»**

Дарья Васильевна Пономарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Своеобразие интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в серии рассказов А. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» раскрывается в специфике образа главного героя, бунтаря, самозванца, лишнего человека, странника, который предстает рыцарем науки. Вагнер, образ которого восходит к фигуре культурного героя, стремится к преобразению окружающей его действительности, буквально воспринимаемой им в качестве материала для сотворения нового лучшего мира. Высмеивая прошлое как трикстер, герой утверждает будущее «золотого века» как demiurge. Донкихотство профессора Вагнера – это научное служение во имя человечества, ежедневная и напряженная, подобная подвигу, работа ученого.

Ключевые слова: *русское донкихотство, миф о Дон Кихоте, А. Беляев, самозванец, бунтарь, лишний человек, странник, культурный герой*

Для цитирования: *Пономарева Д.В. «Человек, который не спит»: о специфике интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в серии рассказов А. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 109 – 120.*

Original article

**"THE MAN WHO DOES NOT SLEEP": ON THE SPECIFIC
INTERPRETATION OF THE RUSSIAN MYTH
ABOUT DON QUIXOTE IN THE SERIES OF STORIES "THE
INVENTIONS OF PROFESSOR WAGNER" BY A. BELYAEV**

Daria V. Ponomareva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The peculiarities of the interpretation of the Russian myth about Don Quixote in the series of stories by A. Belyaev "The Inventions of Professor Wagner" is revealed within the specifics of the image of the main character, a rebel, an impostor, an extra person, a wanderer who appears as a knight of science. Wagner, whose image goes back to the figure of a cultural hero, strives to transform the reality around him, literally perceived as material for creating a new better world. Ridiculing the past as a trickster, the hero affirms the future of the "golden age" as a demiurge. The quixoticism of

Professor Wagner is a scientific service in the name of humanity, a daily and intense, like a feat, work of a scientist.

Key words: *Russian quixoticism, the myth of Don Quixote, A. Belyaev, impostor, rebel, superfluous person, wanderer, cultural hero*

For citation: *Ponomareva D.V. "The Man Who Does Not Sleep": on the Specific Interpretation of the Russian Myth about Don Quixote in the Series of Stories "The Inventions of Professor Wagner" by A. Belyaev // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 3. P. 109 – 120.*

Введение

В русской культуре «Дон Кихот» М. Сервантеса неразрывно связан с проблемой национальной самоидентификации. Как отмечал В. Багно, в знаменитом испанском романе русские увидели в первую очередь «притчу о человеческом предназначении», воплощение великой мечты о спасении гибнущего человечества, которая в конечном итоге преобразовалась в одну из составляющих «русской идеи» [Багно, 2009, с. 3, 5]. История русского донкихотства строилась на отрыве сервантесовского героя от романа, переживании «чужого имени» и вживании в него, т. е. как активное и осознанное переосмысление «производящей основы» [там же, с. 6], свободное мифотворчество, которое является уникальным примером «превращения частного литературного явления одной страны в доминанту культурной общественной жизни другой» [там же, с. 217]. Традиционно в русский миф о Дон Кихоте включают четыре составляющие: мифы о бунтаре, самозванце, страннике и лишнем человеке, свойственные русскому утопическому сознанию и ставшие практически «символом веры русской интеллигенции» [там же, с. 220, 222].

Исследователи творчества А. Беляева неоднократно отмечали, что фантастика писателя никогда не была односторонней, научные проблемы не были лишь предлогом для выдумки, в них всегда «выражалось главное – высокая мечта о человеческом счастье», эта мечта «служила людям, она помогала им, с ней они становились лучше, богаче, счастливее» [Ляпунов, Нудельман, 1964, с. 28]. В русской литературе Беляев стал одним из создателей «фантастического повествования "прогрессивного" типа», которое основывалось на научной картине мира и имело «прогностическую и воспитательную функции» [Ковтун, 2016, с. 118], иными словами – такая фантастика поучала, развлекала, иллюстрируя «в образном виде то или иное техническое достижение и способы его использования в жизни человека» [Козьмина, 2017, с. 149]. Одним из самых смелых героев-мечтателей писателя является профессор Вагнер, своеобразная «веселая маска самого Беляева», которому он доверял «высказывать в шуточной форме самые невероятные свои замыслы» [Ляпунов, Нудельман, с. 10]. Как пронизательно подчеркнула Е. Иваньшина, беляевский профессор, пародийный по своей сути герой, вполне традиционен, он обладает весьма богатой книжной родословной, в которой «переплелись разные литературные "гены"» [Иваньшина, 2016, с. 29, 31]. В своей статье исследовательница особое внимание уделяет рассмотрению фаустианских мотивов в творчестве фантаста. Как нам кажется, в образе Вагнера, нового русского интеллигента, выдающегося ученого, смелого экспериментатора, бескорыстно стремящегося облегчить и улучшить жизнь всего человечества, находит свое отражение и донкихотство в

его истинно русском изводе как воплощения идеи о высоком предназначении человека.

Цель нашего исследования заключается в выявлении специфики интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в серии рассказов А. Беляева «Изобретения профессора Вагнера». В ходе анализа будем опираться на понимание донкихотовской ситуации (положения) как ситуации-инварианта донкихотовского отношения героя к действительности, при котором «новые донкихоты» не отождествляются напрямую с идальго М. Сервантеса, «они лишь соотносены с персонажем знаменитого романа как с нормой “донкихотства”» [Пинский, 2002, с. 153]. Теоретической базой исследования служат работы, посвященные творчеству А. Беляева (Р. Гусейнов, Е. Иваньшина, Б. Ляпунов, Р. Нудельман, О. Осьмухина, Д. Старцев), исследованию научной фантастики (В. Захаров, Е. Ковтун, Е. Козьмина) и изучению донкихотовской традиции в мировой литературе и культурного своеобразия русского мифа о Дон Кихоте (В. Багно, М. Бахтин, Л. Пинский, И. Тургенев). Немногочисленность трудов, посвященных целостному анализу творчества А. Беляева в контексте мировой литературы, и отсутствие работ, раскрывающих специфику переосмысления традиции донкихотства в произведениях фантаста, обуславливают актуальность и новизну нашего исследования. В работе применяются сравнительно-исторический и культурно-исторический методы и метод целостного анализа художественного произведения.

Исследование и его результаты

Рисуя портрет гениального ученого, Беляев не жалеет красок. Вслед за Сервантесом фантаст наделяет своего героя рядом противоречивых характеристик, которые в конечном итоге способствуют созданию целостного образа неординарной личности. Профессор Вагнер, по-своему реализуя донкихотовскую склонность к бунтарству, не просто стремится отыскать «ключ к тайнам мироздания», изучая окружающий мир, но и бросает вызов самой человеческой природе, пытаясь исправить ее «несправедливое» несовершенство, устранить эту «недоделку» [Беляев, 1964, с. 300, 202]. Оставаясь исследователем, он в то же время становится объектом собственных экспериментов. Неумный Вагнер, считая любое бездействие, неподвижность и даже необходимый человеку сон болезнью, своего рода временной смертью, изобретает средство от усталости и пилюли против сна, при помощи специальных упражнений учится писать обеими руками, читать сразу две книги или делать минимум два дела одновременно, превращая себя в «человека, который не спит» [там же, с. 164]. Вагнер предстает неутомимым рыцарем науки, одним из тех ученых, для которых «наука становится смыслом жизни, главной составляющей их деятельности» [Гусейнов, 2013, с. 52]. Жажда открытий профессора напрямую связана с искренним желанием быть полезным обществу, со стремлением преобразить мир силой своего знания и творческого потенциала.

В духе карнавального гротеска пародийно переосмысливая традицию русского донкихотства и практически выворачивая наизнанку хрестоматийный эпизод сервантесовского романа, Беляев в буквальном смысле делает своего героя творцом нового мира. В образе Дон Кихота Сервантеса на первый план выдвигалась сила поэтического воображения, сила слова, с помощью которого хитроумный идальго из грубой неприглядной реальности создавал мир прекрасной мечты: «Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги <...>, нашел, что ни Буцефал Александра Македонского, ни Бабьёка Сида не могли бы с нею тягаться» [Сервантес, 2007, с. 29 – 30]. Вагнер же как ученый-экспериментатор, в прямом смысле используя материю отживающего свой век старого мира, конструирует «золотой век» облагороженного наукой будущего. «Сбежавшая с живодерни» «ужасная кляча», с фантастической легкостью выигравшая скачки и опозорившая «блестящих, гордых своею красотой представителей лошадиной аристократии» [Беляев, 1964, с. 197], оканчивается машиной, механизмом, созданным руками ученого.

Подчеркнем, Вагнер прекрасно понимает, что его научная деятельность напоминает безрассудные подвиги идальго Сервантеса, он прямо говорит о стене косности, тупости и консерватизма, с которыми ему постоянно приходится сталкиваться: «Моя очередная глупость. Чепуха. Сколько раз я зарекался “не той улицей ходить” – не расшибать лбом стену. И вот очередная шишка <...> Донкихотство» [там же, с. 199]. Интересно, что герой Беляева не лишен и той комичности, которая присуща сервантесовскому Дон Кихоту. Шишки, о которых упоминает Вагнер, получают и вполне физическое воплощение, когда неунывающий ученый не совсем удачно, но с большим энтузиазмом проводит, например, испытания своего «ковра-самолета» или ставит эксперименты, связанные с управлением гравитацией. Играющий роль пародийного оруженосца спутник профессора, описывая их небольшое приключение в рассказе «Ковер-самолет», замечает, что Вагнер – «неплохой изобретатель, но очень непрактичный человек» [там же, с. 208].

Непонимание общества приводит Вагнера в отчаяние, но он не опускает руки, его прогрессивный вечно бодрствующий ум не может примириться с несовершенством окружающей действительности. Ученый знает, что находится в самом начале пути, его работу обязательно оценят будущие поколения. По замыслу профессора его открытия и изобретения внесут свой вклад в переустройство современного ему общества и создадут тот новый мир, в котором его мечта о гармоничном, могущественном, «улучшенном» человеке станет реальностью. Поэтому Вагнер и начинает с себя, здесь и сейчас создавая своего рода прототип этого «нового человека» [Ляпунов, Нудельман, 1964, с. 13], ведь только такие люди, люди будущего, наделенные новыми физическими, соответствующими ментальными силами и моралью, смогут изменить мир вокруг, заново открыв его, буквально посмотрев на него новыми глазами. В образе беляевского героя воплощается характерная для произведений «прогрессивной» научной фантастики вера в «мощь человеческого духа, стремящегося (и способного) подняться до “равной богам высоты”» [Ковтун, 2022, с. 51].

Позиционируя себя как «нового человека», Вагнер в определенном смысле проявляет свойственное многим донкихотствующим героям тягу к самозванству [Багно, 2003, с. 220]. Благодаря усовершенствованиям собственного организма он даже выглядит гораздо моложе своего возраста. Эта же составляющая русского мифа о Дон Кихоте находит отражение и в том факте, что, являясь профессором биологии, герой Беляева оказывается уникальным ученым-энциклопедистом, совершающим невероятные открытия в самых разных областях научного знания, в тайны атома Вагнер проникает так же виртуозно, как проводит исследования головного мозга.

Уникальность своего рыцаря науки Беляев подчеркивает созданием образа двойника – «лже-Вагнера», который становится действующим лицом рассказов-«апокрифов». В этих рассказах передаваемые из уст в уста истории очевидцев об изобретениях знаменитого ученого обрастают совершенно невероятными подробностями, слухами и выдумками, а фигура самого профессора практически обожествляется, вместе с тем приобретая зловещие, отчасти даже дьявольские черты. Жизнь Вагнера превращается в легенду, мистифицируется. В финале таких рассказов обычно помещается цитата из письма профессора, в котором он либо приводит научное объяснение описанного «чуда», либо полностью отрицает, что подобные события с ним вообще происходили. Вагнер относится к своей работе серьезно, ведь он не кабинетный мечтатель, а практик, каждым своим открытием приближающий «золотой век» человечества, собственными руками творящий из несовершенного «сегодня» лучшее «завтра»: «Я не фокусник и не волшебник, – ответил он (Вагнер. – *Д.И.*), как будто немного обидевшись» [Беляев, 1964, с. 204].

Несмотря на вложенное в уста самого Вагнера отрицание своих волшебных-сказочных корней, многие исследователи видят в герое «полубезумного ученого», частично реинтерпретирующего образ фольклорного волшебника [Старцев, 2021, с. 15]. Действительно, изобретения Вагнера гротескны, нелепы и безумны с общепринятой точки зрения, но мы все же склонны согласиться с утверждением о том, что своеобразное сумасшествие беляевского профессора абсолютно не похоже на психическое заболевание, а представляет собой, как это было и у сервантесовского Дон Кихота, особую форму постижения мира, способность гениев «заглянуть за границы воображения и найти вполне рациональные ответы на интересующие их вопросы» [Осьмухина, Старцев, 2017, с. 191]. В своей научной деятельности герой Беляева приравнивается к поэту или художнику, а «психиатрия вредит “делу поэта”, скрывает сущность явления» [Захаров, 2016, с. 18] и может обесценить высокую мечту.

При всей рациональности мышления Вагнера, на наш взгляд, сознание героя карнавально по своей природе. В образе своего рыцаря науки Беляев, гуманист и мечтатель, особо подчеркнул характерные для русского донкихотства универсализм, утопизм и мессианство. Вагнер стоит на пороге между старым и новым, но устремлен он только в «незавершимое будущее» [Бахтин, 1990, с. 15], связанное с идеей вечно обновляющегося и становящегося мира. Мироззрение «безумного» ученого свободно от условностей закоряченной обыденности

и открыто веселой вольности мысли и воображения, для которой «смерть и обновление неотделимы друг от друга в целом жизни» [там же, с. 59]. Гротескная фигура самого профессора, бросившего дерзкий вызов усталости, сну и самой смерти, физиологически «отелеснивает» возрождающую амбивалентность, разрушающееся несовершенное старое/прошлое становится своего рода строительным материалом для рождающегося из его частей нового/будущего.

Наиболее яркое художественное воплощение идея пересоздания и обновления мира находит в пронизанном карнавальной эстетикой рассказе «Чертова мельница», в котором обнаруживается синтез традиций гротескного реализма и романтического гротеска. Как верно отмечали исследователи творчества Беляева, во многих произведениях фантаста готическая традиция, уходящая корнями в романтический гротеск, реализуется в «использовании категории “ужасного”, однако не как пугающей силы, но как побежденной» [Осьмухина, Старцев, 2016, с. 257]. Интересно, что в названном рассказе пародийно обыгрывается очередной хрестоматийно-донкихотовский образ – образ мельницы. Если сервантесовский идалго силой собственного воображения превращал мельницы в великанов, страшных, но легко поверженных в фантазиях рыцаря, то Вагнер в ходе своих научных экспериментов, создавая своеобразное карнавальное тело, оснащает старую неработающую в засуху мельницу новым «увечным» двигателем, который представляет собой отделенную от трупа и оживленную в особой установке руку покойника. При этом зловещая атмосфера ужасающего происшествия, окрашенная в тона гофмановского гротеска, быстро оборачивается в рассказе подлинным торжеством народного карнавала. Гротескное тело стремительно разрастается, включая в себя сначала потерявшую сознание от страха и упавшую прямо на «дьявольский» мотор хозяйку мельницы и рассказчика, который спотыкается о неподвижное тело женщины, а затем легко принимающее в себя и половину жителей деревни во главе с председателем и местным милиционером. Раскрытие пугающей тайны изобретения Вагнера приводит к настоящей площадной потасовке, пронизанной оглушительными воплями хозяйки, несвязными выкриками испуганных свидетелей предполагаемого «смертоубийства» и комичными рассуждениями представителей власти и закона о «нарушении кодекса о труде» [Беляев, 1964, с. 216].

В финале «Чертовой мельницы» Беляев, бросая вызов закостенелой обыденности, доводит комическую ситуацию до абсурда. Заканчивается дачное приключение в деревне Стрябцы неудачной погоней за Вагнером, во время которой профессор восседает верхом на еще одном дальнем потомке знаменитого Росинанта – «самобежке», напоминающей накрытый сукном и снабженный тремя парами человеческих ног стол [там же, с. 220]. Особо отметим, что ученый, имея на руках все необходимые документы, решает сначала позабавиться, продемонстрировав во всей красе возможности своего нового изобретения, и лишь потом сдается властям. Герой Беляева, как и сервантесовский идалго, не лишен чувства собственного достоинства и некоторой склонности к хвастовству, артистизму и театральным эффектам. В конечном итоге мечта о «золотом веке» и открытое всему новому будущее в лице Вагнера одерживает победу над

забитостью суеверных обывателей, ужасный монстр на самом деле оборачивается смешным пугалом, которого могут бояться лишь невежи. Значимо, что в пояснениях профессора о работе мышц фигура страшного чудовища окончательно заменяется на образ «великолепно построенной машины» [там же, с. 222], символ торжества человеческого разума и созидательной науки.

Дерзкая насмешка Вагнера над косностью и тупостью окружающих обнаруживается уже в начале «Чертовой мельницы», в диалоге о «вечном»-«увечном» двигателе, а в постскриптуме мы узнаем, что практически все описанные в рассказе события – это выдумка, т. е. часть апокрифических историй о знаменитом ученом, в которых на первый план обычно выходит полудемонический образ двойника «лже-Вагнера». Подчеркивается двойственная природа профессора, конструктора «чертовой мельницы» и «самобежки» на ногах трупов, и тем, что рассказчик иронично сравнивает Вагнера с «библейским богом»: оба оказались «плохими знатоками женской психологии» [там же, с. 215]. Истинно дьявольские масштабы фигура ученого приобретает, например, в рассказе «Над бездной», в котором Вагнер представляется прямым инициатором конца света. Но и эта история является одной из «творимых легенд», гипнотическим сном рассказчика. На самом деле профессор вовсе не губит Землю своим экспериментом, он проводит исследования гипноза как способа обучения, а его незадачливый сосед, наказанный за любопытство и нарушение уединения ученого, против воли становится подопытным Вагнера.

Как нам кажется, образ беляевского рыцаря науки, как и образ Дон Кихота Сервантеса, восходит к мифологической фигуре культурного героя, синтезируя черты трикстера, который высмеивает и хоронит уходящую эпоху, и демиурга, который, утверждая новый мир, буквально изготавливает его из материала разрушающегося прошлого. Карнавальная двойственность и «пограничность» образа Вагнера коренится в том, что его время – это своего рода новое мифологическое время, время нового творения «до установления окончательного порядка» [Мелетинский, 2001, с. 34]. Вместе с тем «пограничным» становится не только время, но и любое пространство, в котором появляется ученый Беляева, мир вокруг начинает гротескно соединять в себе знакомую повседневность и «признаки принципиально иной действительности» [Козьмина, 2014, с. 75].

В амбивалентной природе научной деятельности Вагнера, которую ученый стремится направлять только в русло созидания, кроется и определенная опасность. Как замечали исследователи, в произведениях Беляева неоднократно поднимается вопрос о разрушительных последствиях применения научных изобретений, которые оказались не в тех руках и были использованы для достижения «корыстных эгоистичных целей без намека на созидание и процветание» [Гусейнов, 2013, с. 54]. Обращаясь к проблеме ответственности ученого за свое изобретение, Беляев рисует мрачную картину такой воплотившейся в реальность угрозы в рассказах «Человек, который не спит» и «Гость из книжного шкафа», в которых описывает похищение Вагнера представителями немецкой организации с красноречивым названием «Диктатор». Вражеские агенты с помощью силы, путем угроз, шантажа и обмана обращают изобретения

профессора против него самого и всего мира, который так хотел благодетельствовать герой. Символично, что лишенный своих уникальных пилюль Вагнер впервые за много лет засыпает в плену у немцев. Как мы помним, ученый приравнивал сон к временной смерти, значит, для беляевского рыцаря науки лишение свободы (личной свободы и свободы распоряжаться своими открытиями) практически равно смерти. В итоге сном-смертью враждебного для героя мира заканчивается и первый побег Вагнера из плена, когда в «сонное царство» превращается центр Берлина [Беляев, 1964, с. 284]. Весь эпизод побега выстраивается на основе эстетики романтического гротеска, не раз подчеркивается, что карнавальная временная смерть/сон для некоторых горожан оборачивается вполне реальной смертью в автомобильных авариях. Бредущий по городу ученый, невольный виновник катастрофы, становится свидетелем большого пожара, с которым в одиночку он ничего не может поделать [там же, с. 289-290]. Таким же беспомощным Сервантес изображал своего идадьго именно в тех эпизодах, в которых прекрасная мечта героя была обращена против него самого и служила его недругам орудием обмана и насмешки. Например, в замке герцога, лживо восхвалявшего Дон Кихота, или во время последнего сражения с бакалавром Карраско, который выдавал себя за странствующего рыцаря.

По-настоящему дьявольского размаха сила науки достигает в рассказе «Гость из книжного шкафа», в котором Вагнер во время своего второго побега из плена в качестве отвлекающего маневра создает и уничтожает целую вселенную, заключенный в стеклянный шар «бедный мирок» [там же, с. 308]. А в финале рассказа с помощью «чертовских лучей» [там же, с. 310] он превращает себя в пронзающего материю призрака, неуязвимый «дух», остающийся в то же время «человеком из плоти и крови» [там же, с. 312], т. е. практически в некое двуединое божество. Значимо, что оба рассказа о похищении Вагнера не являются «апокрифами», в них профессор сам пародийно выступает собственным демоническим двойником, циничным, насмешливым, решительно отвечающим обманом на обман, наводящим своим призрачным путешествием настоящий ужас на бюргеров южной Германии.

Для обывателей Вагнер, даже получая мировую известность, навсегда остается чужим, «лишним человеком» [Багно, 2003, с. 220]. Весьма нелицеприятными характеристиками награждают профессора очевидцы из рассказа «Человек, который не спит»: «странный», «подозрительный», «ненормальный», «помешанный», «опасный», «чудной», «неудобный», «убийца» (ученый испытывает свои пилюли от сна и усталости на собаках) [Беляев, 1964, с. 245, 246, 250]. Фима, экономка, живущая у Вагнера пятнадцать лет, называет его сумасшедшим: «Был человек как человек, а вот уже с год совсем на себя не похож. Прямо как бы не в себе» [там же, с. 246]. Чуждость профессора на формальном уровне подчеркивает имя героя. Русские имя и отчество «Иван Степанович» соседствуют с «чужой» немецкой фамилией «Вагнер», отсылающей одновременно и к фамилии известного своим мистицизмом композитора Рихарда Вагнера, и к знаменитому «Фаусту» И. В. Гете.

Вагнер, порывающийся как «новый» Дон Кихот «помогать людям, не нуждающимся в его помощи» [Багно, 2009, с. 8], все же понимает, что его опыты

слишком смелы по меркам современников, знает, что на своем пути он не раз еще встретит неизбежные неудачи и непонимание. Но ученый верит в конечный успех, он убежден в важности и необходимости своей работы, потому что его опыты имеют «громадное значение для всего человечества» [Беляев, 1964, с. 252]. Ежедневный научный подвиг приносит радость ученому, который при всем своем максимализме в целом довольно спокойно относится к тому, что достижение поставленной им цели – это дело будущего. Беляев, отчасти повторяя путь Сервантеса, создает образ «идеального» героя, «человека с божественным началом», который «подражает Богу» и в конечном итоге «оказывает гораздо более ошутимое воздействие на жизнь и духовное развитие “реальных” людей, чем другие “реальные” люди» [Элькан, Норец, Путьра, 2023, с. 283, 293].

Профессор Вагнер служит человечеству и борется за его будущее, оружием в этом сражении «за», а не «против» (как «любви к добру», а не «ненависти к злу» [Багно, 2003, с. 230]) становится наука, разум и знания. Беляевский рыцарь науки наделен многими донкихотовскими чертами, которые были так дороги И. Тургеневу, зачинателю русского мифа о Дон Кихоте, хотя трагическая составляющая образа максимально сглажена и переосмыслена фантастом. Вагнер – энтузиаст, обладающий непреклонной волей и подвижимой «преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, <...> самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала» [Тургенев, 1980, с. 332], но герой Беляева реально оценивает свои возможности, математически точно просчитывает их как ученый, он оптимистичен и находчив. В сложных ситуациях профессор зачастую не трагичен, а скорее неуклюж, иногда комично непрактичен, до наивности доверчив и даже трогателен, но он терпелив и беззаветно предан своему делу: «Работая двумя половинками мозга, я удваиваю свою продукцию. <...> Значит, я работаю за шестерых, притом без всякого вреда для здоровья. <...> Еще иначе говоря, за каждое столетие человечество будет двигаться вперед по пути прогресса сразу на три столетия» [Беляев, 1964, с. 260 – 261]. Ученого по праву можно назвать «служителем идеи» [Тургенев, 1980, с. 333], он – носитель великой мечты, просветитель, который при каждом удобном случае старается приобщить окружающих к последним достижениям научной мысли. Несмотря на свою любовь к уединению, которое необходимо ему для продуктивной работы, Вагнер практически вездесущ. Так в образе беляевского героя реализуется четвертая составляющая русского донкихотства – миф о страннике. Фантастическая работоспособность и удивительные изобретения позволяют профессору, не отрываясь от научной работы, отслеживать апокрифические истории о собственной жизни и регулярно отправлять в редакции газет письма с необходимыми пояснениями, читать при помощи радиосвязи лекции студентам, находясь в командировке на другом конце света, а во время побега из плена буквально пронзает пространство в виде бесплотного духа. Научная деятельность Вагнера охватывает большую часть земного шара, от Африки до Новой Земли. И если Дон Кихот Сервантеса, рассказывая о «золотом веке», запросто

беседовал и со знатными аристократами, и с простыми пастухами, то герой Бе-
ляева с аборигенами Абиссинии общается так же свободно, как и с коллегами
из Европы.

Заключение

Подводя итог, отметим, что профессор Вагнер предстает в серии расска-
зов А. Беляева рыцарем науки, который стремится к преобразению окружаю-
щей его несовершенной действительности, воспринимаемой им в качестве ма-
териала для сотворения нового лучшего мира. Образ ученого восходит к фи-
гуре культурного героя, синтезируя черты трикстера, который высмеивает ухо-
дящую эпоху, и демиурга, который, утверждая новый мир, буквально изготав-
ливает его из вещества разрушающегося прошлого. Время донкихотствующего
героя Беляева, примеряющего на себя маски самозванца, бунтаря, странника и
лишнего человека, – это своего рода новое мифологическое время, время тво-
рения будущего. Сформировавшаяся в русской культуре возвышенная мечта о
спасении гибнущего человечества для героя Беляева оборачивается идеей
научного служения во имя человечества. Донкихотство профессора Вагнера –
это равная подвигу ежедневная напряженная работа ученого, каждый день ко-
торой является новым шагом на пути к «золотому веку» будущего.

Список источников

- Багно В. Е.* Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
Багно В. Е. Русское донкихотство как феномен культуры // *Вожжи умов и моды.*
Чужое имя как наследуемая модель жизни: сб. ст. / отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука,
2003. С. 217 – 232.
Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и
Ренессанса. М.: Худ. литература, 1990. 543 с.
Беляев А. Р. Собрание сочинений в 8 т. М.: Молодая гвардия, 1963–1964. Т. 8.
1964. 528 с.
Гусейнов Р. А. Образ ученого в фантастике Жюль Верна и Александра Беляева
// *Филол. науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 9 (27). Ч. 1. С. 51–56.
Захаров В. Н. Фантастическое: аксиомы, парадоксы, проблемы // *Проблемы ис-
торической поэтики.* 2016. № 4. С. 7–26. DOI 10.15393/j9.art.2016.4021
Иваньшина Е. А. Жизнь или смерть? Фаустианские мотивы в творчестве
А. Р. Беляева // *Вестн. Удмуртского ун-та. Серия: История и филология.* 2016. Т. 26,
вып. 3. С. 29 – 37.
Ковтун Е. Н. «Интертекст Мира Посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функ-
циональность художественной модели // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 4. С. 34–53.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-34-53>
Ковтун Е. Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика ху-
дожественной модели // *Проблемы исторической поэтики.* 2016. № 4. С. 118 – 135. DOI
10.15393/j9.art.2016.3747
Козьмина Е. Ю. «Готическая» традиция в романе Р. Матесона «Где-то во вре-
мени»: пограничный образ мира // *Новый филол. вестн.* 2014. № 3 (30). С. 75 – 86.
Козьмина Е. Ю. Фантастика начала XX века в жанровом освещении // *Научный
диалог.* 2017. № 6. С. 148– 157. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-148-157.
Ляпунов Б., Нудельман Р. Предисловие // *Беляев А. Р.* Собрание сочинений в 8
т. М.: Молодая гвардия, 1963 – 1964. Т. 8. С. 5 – 28.
Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Изд-во РГГУ. М.: 2001. 168 с.

Осьмухина О. Ю., Старцев Д. И. Готическая мотивика прозы А.Р. Беляева (на материале романа «Остров погибших кораблей» и рассказа «Страх») // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 256 – 259.

Осьмухина О. Ю., Старцев Д. И. Специфика воплощения мотива безумия в творчестве А. Р. Беляева // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 190 – 194.

Пинский Л. Е. Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 149 – 232.

Сервантес Сааведра М., де Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: в 2 т. / перевод Н. Любимова, стихи в переводе М. Лозинского. М.: АСТ, 2007.

Старцев Д. И. Творчество А. Р. Беляева и традиции научно-фантастической прозы в русской литературе второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2021. 22 с.

Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 330 – 348.

Элькан О. Б., Норец М. В., Путра В. А. Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 1. С. 282 – 295. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295.

References

Bagno V.E. (2009) *Don Quixote in Russia and Russian Don Quixoteism*. St. Petersburg, Nauka. 228 p. (In Russian).

Bagno V.E. (2003) Russian Donquixotism as a Phenomenon of Culture. *Leaders of Minds and Fashion. Alien name as an inherited model of life: collection of articles* / ed. V. E. Bagno. St. Petersburg, Nauka, pp. 217-232. (In Russian).

Bakhtin M. M. (1990) *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, 543 p. (In Russian).

Belyaev A. R. (1964) *Collected works in 8 vol.* Moscow, 1963-1964. Vol. 8. 528 p. (In Russian).

Cervantes Saavedra M., de (2007) *Cunning hidalgo Don Quixote of La Mancha: in 2 vol. Translation by N. Lyubimov, verses translated by M. Lozinsky*, Moscow, AST. (In Russian).

Elkan O. B., Norets M. V., Putra V. A. (2023) The concept of “Quixoticism” in the work of Miguel de Unamuno. *Scientific Dialogue*, vol. 12, no. 1, pp. 282-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295. (In Russian).

Huseynov R. A. (2013) The image of a scientist in the fiction of Jules Verne and Alexander Belyaev. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 9 (27), part 1, pp. 51-56. (In Russian).

Ivanshina E. A. (2016) Life or death? Faustian motifs in the work of A. R. Belyaev. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, vol. 26, issue 3, pp. 29-37. (In Russian).

Kovtun E. N. (2022) “Intertext of the World of Afterlife” in science fiction of the XX-XXI centuries: the functionality of an artistic model. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, pp. 34-53. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-34-53>. (In Russian).

Kovtun E. N. (2016) The world of the future in modern science fiction: the specifics of the artistic model. *Problems of historical poetics*, no. 4, pp. 118-135. DOI 10.15393/j9.art.2016.3747. (In Russian).

Kozmina E. Yu. (2014) “Gothic” tradition in R. Matheson's novel “Somewhere in Time”: the boundary image of the world. *New Philological Bulletin*, no. 3 (30), pp. 75-86. (In Russian).

Kozmina E. Yu. (2017) Fiction of the early twentieth century in genre coverage. *Scientific dialogue*, no. 6, pp. 148-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-148-157. (In Russian).

Lyapunov B., Nudelman R. (1963-1964) Preface. *Belyaev A.R. Collected works in 8 vol.* Moscow, vol. 8, pp. 5-28. (In Russian).

Meletinsky E. M. (2001) *From myth to literature*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 168 p. (In Russian).

Osmukhina O. Yu., Startsev D. I. (2016) Gothic motif of A. R. Belyaev's prose (based on the novel "Island of Lost Ships" and the story "Fear"). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, no. 2, pp. 256-259. (In Russian).

Osmukhina O. Yu., Startsev D. I. (2017) The specificity of the embodiment of the motive of madness in the work of A. R. Belyaev. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, no. 4, pp. 190-194. (In Russian).

Pinsky L.E. (2002) The plot of "Don Quixote" and the end of the realism of the Renaissance. Pinsky L.E. *Renaissance. Baroque. Education*. Moscow, Publishing House of the Russian State Humanitarian University, pp. 149-232. (In Russian).

Startsev D. I. (2021) *Creativity of A. R. Belyaev and the traditions of science fiction prose in Russian literature of the second half of the 20th century: abstract of thesis*. Saransk, 22 p. (In Russian).

Turgenev I. S. (1980) Hamlet and Don Quixote. *Turgenev I. S. Complete works and letters in thirty volumes*. Moscow, Nauka, vol. 5, pp. 330-348. (In Russian).

Zakharov V.N. (2016) Fantastic: axioms, paradoxes, problems. *Problems of historical poetics*. no. 4, pp. 7-26. DOI 10.15393/j9.art.2016.4021 (In Russian).

Сведения об авторе

Пономарева Дарья Васильевна – канд филол. наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, dvonomareva@sfedu.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8498-2422>

Information about the Author

Daria V. Ponomareva – Ph.D. of Philology, Senior Lecturer. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Department of Theory and History of Literature

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.